

М.М. Лобанов

ИЭ РАН, Москва; Московская школа экономики, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва

Е. Звезданович Лобанова

Институт общественных наук, Белград, Республика Сербия

М. Звезданович

Академия национальной безопасности, Белград, Республика Сербия

Типологизация промышленных систем стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы

Аннотация. Различия между странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы по показателям социально-экономического, и в частности промышленного, развития предполагает использование дифференцированного подхода к их изучению. Вместе с тем, формирование промышленного потенциала происходит в схожих, но не идентичных институциональных условиях, что позволяет разрабатывать типологии и классификации при помощи генерализации качественных и количественных данных. В представленной работе мы проанализировали внутрорегиональные различия по показателям динамики промышленного производства, его роли в экономическом развитии стран, обеспеченности и стоимости трудовых ресурсов, внешнеторговой диверсификации и уровня проникновения иностранного капитала, структурной рационализации и эффективности функционирования предприятий. Кроме того, на примере стран региона была исследована зависимость между производительностью труда и долей иностранных компаний в структуре производства. Предлагаемая типология промышленных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ базируется на сравнении двух групп показателей, характеризующих: 1) основной тренд в развитии промышленности и ее вклад в экономический рост (реиндустриализация, возвратная деиндустриализация, устойчивая деиндустриализация, вторичная (рыночная) индустриализация); 2) эффективность использования факторов производства, степень вовлеченности в мирохозяйственные отношения, ориентацию на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью (интенсивное, экстенсивное и переходное к интенсивному промышленное развитие).

Ключевые слова: *Центрально-Восточная Европа, Юго-Восточная Европа, промышленность, типы развития, факторы производства, структурная трансформация, реиндустриализация, промышленная революция.*

Классификация JEL: L6, O52, O57, P23.

Для цитирования: **Лобанов М.М., Звезданович Лобанова Е., Звезданович М.** (2022). Типологизация промышленных систем стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 4 (56). С. 92–122. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-5

1. Введение

Проблематика промышленного развития стран и регионов после весьма продолжительного периода вынужденного забвения вновь становится важным направлением в экономической науке и государственной политике. Мирохозяйственный кризис конца 2000-х годов поколебал казавшиеся (многим) незыблемыми устои экономического либерализма и привел к «тектониче-

ским сдвигам» в системе целеполагания органов государственной власти ведущих мировых держав. В числе наиболее обсуждаемых экспертным сообществом и политическим истеблишментом проблем – необходимость упреждающих мер, направленных на смягчение возможных последствий новых кризисов за счет активной государственной политики в сфере материального производства. Надежды развитых государств на безоблачное «постиндустриальное» будущее за счет форсированного развития сферы услуг (тертиаризации, *tertiarization*) были разрушены кризисными реалиями, и риторика их руководителей ожидаемо сменилась. Теоретические исследования принципов организации производства на базе новых технологий и анализ практических подходов в государственной промышленной политике снова приобрели актуальность, а воодушевленные публицисты наперебой стали предлагать броские и запоминающиеся названия нового императива – «новая промышленная революция», «четвертая промышленная революция», «неоиндустриализация», «промышленный ренессанс» и т.п.

Государства Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ), очевидно, не остались в стороне от инициированного странами мирохозяйственного Центра процесса технологической и организационной реструктуризации промышленности. Впрочем, траектории развития их промышленных систем заметно различаются вследствие исторически сложившейся неоднородности в индустриальном потенциале, формах территориальной организации промышленности, производственной специализации, характеристиках институциональной среды.

Целью данного исследования является выделение типов развития промышленных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ на основе сравнительного анализа показателей их развития в XXI в. Объект исследования – промышленные системы стран ЦВЕ и ЮВЕ; предмет исследования – различия в характеристиках промышленного развития стран региона в XXI в. Таким образом, ключевой исследовательский вопрос данной работы можно сформулировать следующим образом. Выражена ли дифференциация национальных промышленных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ в достаточной мере для проведения соответствующей типологии (методика предполагаемой типологизации рассмотрена в разд. 3)? Выбор данного вопроса может быть объяснен как с общих теоретико-методологических позиций (происходит ли под влиянием глобализации конвергенция моделей экономического, и в частности промышленного, развития), так и обусловлен практической необходимостью разработки пионерной типологии промышленных систем бывших социалистических стран Европы. Частные исследовательские проблемы, к которым мы обращаемся с целью проведения данной типологии, представлены в разд. 2.

2. Обзор литературы

Научные исследования, посвященные особенностям современного этапа развития промышленности в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, как правило, имеют отраслевой характер или затрагивают межотраслевые проблемы функционирования промышленных предприятий (например, размещение факторов производства и свойства их сочетаний, оценка конкурентоспособности национальных и региональных промышленных систем, показатели

эффективности производственной деятельности и т.д.). Число работ, авторы которых предлагают типологии или классификации стран региона, основываясь на сравнительном анализе различных индикаторов развития их промышленных систем, остается крайне незначительным.

Изучение специфики перехода постсоциалистических стран Европы к рыночным отношениям во многом опиралось на анализ опыта преобразований во вторичном секторе экономики. К числу основополагающих следует отнести исследования проблем рыночной реструктуризации и различий в результатах проводившихся реформ, феномена деиндустриализации 1990-х годов и других характеристик системной трансформации промышленности государств ЦВЕ и ЮВЕ (Kornai, 1994; Hare, Hughes, 1991; Pickles, Smith, 2005; Rae, 2011; Центрально-Восточная Европа ..., 2002). Особенности модели экономического роста, связанной с привлечением иностранного капитала и формированием экспортоориентированных производств, а также более общие вопросы интернационализации промышленности и вовлечения предприятий стран региона в мирохозяйственные отношения также выступали важными объектами научных разработок (Hirschhausen, Bitzer, 2000; Uhlenbruck, De Castro, 2000; Brenton, Di Mauro, Lücke, 1999). Отдельным направлением исследований промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ являлся анализ причин и следствий трансформации пространственной и функциональной организации производства, в частности сдвигов в его территориальной структуре (Meardi, 2007; Kunc et al., 2014; Sölvell, Ketels, Lindqvist, 2008).

Успешность и степень завершенности структурных преобразований в промышленности государств ЦВЕ и ЮВЕ зачастую оценивают, проводя сравнения с наиболее развитыми странами-членами Европейского союза. Исследователи, акцентирующие внимание на основных проблемах и вызовах, стоящих перед промышленными производителями ЕС, не обходят стороной и проблематику развития вторичного сектора экономики в новых странах-членах. В нашем исследовании мы подробно остановимся на особенностях динамики промышленного производства в странах ЦВЕ и ЮВЕ в XXI в. (в том числе укажем на специфику траекторий роста и преодоления кризиса, определим причины флуктуаций), а также дадим объяснение различиям в интенсивности сдвигов в отраслевой структуре ВВП рассматриваемых стран.

Отметим, что ряд авторов обращает внимание на сокращение удельного веса промышленности в структуре ВВП и занятости государств Евросоюза (в особенности перед кризисом конца 2000-х годов) как следствие отказа от активной промышленной политики. Утверждается, что лишь небольшому числу новых стран-членов ЕС удастся перейти от ориентации на низкотехнологичные трудоемкие отрасли к опережающему развитию наукоемких производств, что ведет к увеличению разрыва между европейским индустриальным Центром и Периферией (Stöllinger et al., 2013).

Повышение роли промышленной политики в системе стратегического планирования в странах ЦВЕ и ЮВЕ после кризиса конца 2000-х годов стало следствием продвижения официальным Брюсселем идеи неоиндустриализации, эволюцию которой можно проследить по стратегическим документам развития ЕС и коммюнике Еврокомиссии. Широкая трактовка понятия промышлен-

ной политики позволяет функционерам Евросоюза разрабатывать и внедрять инициативы, касающиеся различных сфер социально-экономического развития – от снижения экологической нагрузки до цифровизации. Разрабатываемые в странах ЦВЕ и ЮВЕ стратегические документы концептуально схожи с общеевропейскими (нацеленность на повышение наукоемкости и снижение ресурсоемкости производства, развитие инновационного потенциала, упрочнение позиций малого и среднего бизнеса, формирование основ для цифровизации и т.п.) (Eurofound, 2019; Tögök et al., 2013).

Возврат к разработке и внедрению стратегических программ индустриализации в посткризисный период как на наднациональном уровне, так и в отдельных странах ЦВЕ и ЮВЕ объясняется рядом факторов. Во-первых, сохранившие промышленный каркас государства с наименьшими потерями сумели пройти W-образный экономический спад конца 2000-х – начала 2010-х годов. Во-вторых, именно промышленные предприятия выступают ключевым источником инноваций, распространение которых дает общеэкономический мультипликативный эффект (Helper, Krueger, Wial, 2012). Как известно, ТНК развитых стран используют в отношении рассматриваемого региона стратегию «вертикальной специализации»: сборочные предприятия, выпускающие продукцию с высоким экспортным потенциалом, размещаются в государствах ЦВЕ и ЮВЕ с наиболее выгодным сочетанием факторов производства, тогда как функции управления и осуществления НИОКР остаются в стране происхождения капитала. Представляется весьма вероятным, что по мере усиления технологического раскола в условиях Четвертой промышленной революции (ЧПР) положение большинства стран региона в глобальных цепочках добавленной стоимости может ухудшиться (Лобанов, 2020).

В-третьих, высокий уровень технологичности производственных процессов по сравнению с отраслями сферы услуг благотворно влияет на показатели производительности труда в экономике. Заинтересованность в использовании передовых научных достижений ряд исследователей объясняют большей вовлеченностью промышленных предприятий в конкурентную борьбу на национальных и мировых рынках (Stöllinger et al., 2013). В-четвертых, промышленность способствует включению в международные торговые потоки так называемых неторгуемых услуг. Ряд отраслей промышленности и сферы услуг выполняют комплементарные функции по отношению друг к другу, причем этот экономический симбиоз наиболее ярко проявляется в высокотехнологичной сфере (Nordås, Kim, 2013). В-пятых, сохранение критической массы промышленных предприятий позволяет значительно сократить риски потери производственных навыков трудовых ресурсов (*manufacturing capabilities*) и избежать утраты научно-образовательного потенциала – подобное развитие событий весьма вероятно в отдельных странах ЮВЕ уже в среднесрочной перспективе. Наконец, в-шестых, опора на динамично развивающийся и диверсифицированный вторичный сектор позволит странам региона свести к минимуму отрицательные проявления «эффекта блокировки» (*lock-in*) в экономике. В рамках исследования так называемых экстерналий (по Дж. Джекобсу), представляющих собой перелив знаний (*spillover effect*) между территориально близкими комплементарными производствами, некоторые авторы предлагают развивать функционально смежные

с традиционными новые отрасли специализации, ориентируясь на имеющиеся в регионе ноу-хау и конкурентные преимущества (*related variety*) (Boschma, 2005; Frenken, Van Oort, Verburg, 2007). Другой подход – смягчение эффекта колеи в индустриальном развитии – связан с созданием условий для формирования обучающихся регионов, или обучающихся [промышленных] кластеров (*learning region / learning cluster*) (Hassink, 2005).

Промышленная политика является основным объектом исследования в тех немногих российских публикациях, касающихся проблематики развития вторичного сектора экономики стран ЦВЕ и ЮВЕ. Как правило, основной акцент в них делается на общеевропейские тенденции государственного и наднационального регулирования производственной деятельности, а в качестве примеров рассматриваются восточноевропейские страны–члены ЕС. Так, в одной из коллективных монографий проанализированы эволюция промышленной политики ЕС и ее перспективные направления, а национальный опыт реиндустриализации показан на примере Польши (Промышленная политика, 2020). Ряд работ российских исследователей ЦВЕ посвящен технологической и институциональной модернизации экономики, и в частности промышленности стран региона (Модернизация ..., 2012; Экономика Польши и России ..., 2020). Специального внимания заслуживают публикации, посвященные особенностям переходного периода и результатам системной трансформации постсоциалистических государств, вопросам адаптации восточноевропейских стран–членов ЕС к новым условиям хозяйствования, а также проблемам их участия в процессах европейской интеграции (Евроинтеграция ..., 2014; Постсоциалистический мир ..., 2017).

Новым направлением в исследованиях индустриального развития ЦВЕ и ЮВЕ является проблема трансформации глобальных цепочек добавленной стоимости под влиянием Четвертой промышленной революции (ЧПР). Как известно, применение большинством стран региона стратегии экспортных платформ позволило некоторым из них сократить отставание в социально-экономическом развитии от мирохозяйственного Центра. Вместе с тем, отсутствие должного внимания к зарождению и распространению новых принципов промышленной организации может иметь негативные последствия в виде ухудшения положения государств ЦВЕ и ЮВЕ в международном разделении труда. Проблематика готовности общества и экономики рассматриваемых стран к ЧПР изучена пока в недостаточной мере. Авторы одной из немногих работ на данную тему, основываясь на анализе показателей технологической, предпринимательской и управленческой сред в восьми странах региона, обнаружили, что наибольшей готовностью к ЧПР характеризуется Чешская Республика, а наименьшей – Болгария и Румыния (Naudé, Surdej, Cameron, 2019). В нашей работе мы обращаемся к проблеме соответствия функциональной структуры производства стран ЦВЕ и ЮВЕ современному технологическому укладу и приводим доказательства успешной рационализации структуры промышленности некоторых из них.

Значительное число исследований посвящено стратегии внешнеэкономической открытости, используемой большинством стран региона еще с 1990-х годов. Преимущества и недостатки модели экономического роста, опирающейся на привлечение прямых иностранных инвестиций и расширение товарооборота, детально исследованы в рамках различных подходов. Феномен повышения

роли зарубежных ТНК в хозяйственном, и в частности промышленном, развитии стран ЦВЕ и ЮВЕ отмечен исследователями еще на начальном этапе накопления капитала и встраивания государств региона в глобальные цепочки добавленной стоимости (Hunya, 2000). Наша работа расширяет представления о масштабах деятельности ТНК и следствиях привлечения иностранного капитала, в частности отвечая на вопрос об уровне различий в производительности труда между отечественными и зарубежными компаниями в докризисный и посткризисный периоды. Кроме того, мы покажем, что развитие экспортных платформ в регионе XXI в. происходило в условиях усиления ориентации стран ЦВЕ и ЮВЕ на европейские рынки, что вступает в противоречие с распространенным тезисом о постепенной диверсификации их внешнеэкономических связей.

К основным преимуществам стран ЦВЕ (в первую очередь Вишеградской группы), обусловившим приток капитала в промышленность, как правило, относят относительно низкие издержки на оплату труда, квалифицированную рабочую силу, благоприятную институциональную среду (как результат гармонизации законодательства в рамках ЕС), невысокие политические риски; в отдельных работах – размер национальных экономик и внешнеэкономическую открытость (Janicki, Wunnava, 2004; Bellak, Leibrecht, Riedl, 2008). По мере включения государств ЮВЕ в конкурентную борьбу за инвестиции в центре внимания ученых все чаще оказывались вопросы дифференциации факторов и условий привлечения прямых иностранных инвестиций наиболее и наименее промышленно развитыми странами. Как правило, объяснения меньшей активности инвесторов в ЮВЕ сводятся к небольшой емкости рынков, географической удаленности от стран-доноров капитала, отсутствию успехов на пути европейской интеграции, а также институциональным провалам государства (Estrin, Uvalic, 2014; Demekas et al., 2005).

К наиболее часто встречающимся в научной литературе положительным эффектам привлечения прямых иностранных инвестиций следует отнести ускорение системных реформ, расширение участия в международном разделении труда, повышение общей факторной производительности и наукоемкости продукции (Kalotay, 2010). В одной из работ показано, что, несмотря на общее сокращение занятости вследствие используемых ТНК мер оптимизации, в новых странах-членах ЕС по мере накопления прямых иностранных инвестиций формируются условия для создания новых рабочих мест (Jude, Pop Silaghi, 2016). Расширение объемов товарооборота стран ЦВЕ с Евросоюзом, обусловленное импортом капитала, не сказалось на росте оплаты труда в обрабатывающей промышленности, а в целом положительный эффект прямых иностранных инвестиций на размер заработных плат наблюдался лишь в высокотехнологичных секторах (Onaran, Stockhammer, 2008).

Привлечение иностранных инвестиций при условии качественного развития трудовых ресурсов положительно сказывается на производительности труда в экономике стран-реципиентов, что способствует их конвергенции с лидирующими по этому показателю государствами Евросоюза (в особенности данный эффект значителен в обрабатывающей промышленности) (Bijsterbosch, Kolasa, 2009). Примечательно, что авторы более ранних исследований влияния прямых иностранных инвестиций на производительность в ЦВЕ и ЮВЕ не находили между ними устойчивой корреляционной связи (Hunya, 1997; Djankov, Hoekman,

2000). В нашей работе мы впервые представим анализ соотношения динамики почасовой оплаты труда и динамики производительности труда в промышленности на примере большого числа стран региона.

Известно, что оборотной стороной медали масштабного притока прямых иностранных инвестиций является усиливающаяся дифференциация филиалов / дочерних фирм ТНК и компаний-резидентов по показателям эффективности и технологичности производственных процессов (дуализм экономики). В данном исследовании мы проверим наличие исключений из этого правила среди стран региона, проанализировав зависимость между производительностью труда и наращиванием удельного веса зарубежных компаний в структуре промышленного выпуска.

Хозяйственный кризис конца 2000-х годов обнаружил риски использования модели внешнеэкономической открытости – устойчивость «зависимых рыночных экономик» к внешним шокам оказалась низкой. Приток капитала, согласно некоторым исследованиям, так и не привел к улучшению позиций предприятий стран ЦВЕ и ЮВЕ в глобальных производственных цепочках: в частности, доля национальной добавленной стоимости в валовом товарном экспорте большинства государств региона снижалась во второй половине 1990–2000-х годов (Olczyk, Kordalska, 2017). Впрочем, исследования отдельных отраслей промышленности постсоциалистических государств Европы (в том числе опорного каркаса – транспортного машиностроения, электроники и электротехники) свидетельствуют о необходимости учитывать различия между ними в направлениях структурной трансформации, характере участия в международном разделении труда, факторах привлечения инвестиций, формах пространственной организации и т.д. (Pavlínek, 2015; Plank, Staritz, 2013; Smith, Pickles, Buček, 2014).

Набор конкурентных преимуществ, за счет которых промышленные предприятия стран ЦВЕ и ЮВЕ привлекали иностранные инвестиции, менялся по мере их перехода на новые стадии общественно-экономического развития. Одним из наиболее изученных факторов трансграничного движения капитала, в том числе на примере государств региона, является фактор дифференциации уровня трудовых издержек. В посткризисный период важным направлением исследований становится феномен бэкшоринга – перемещения производственной деятельности из стран ЦВЕ и ЮВЕ обратно в страны происхождения капитала, одной из причин которого выступает сокращение разрыва в затратах компаний на рабочую силу. Исследуя дифференциацию государств региона по показателям динамики расходов компаний на работников и почасовой оплаты труда, мы делаем выводы о перспективах возникновения предпосылок для оттока капитала и сохранения конкурентных преимуществ промышленных предприятий.

3. Подходы к типологизации промышленных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ

Типологизация (типизация) промышленных систем государств мира на современном этапе их развития относится к числу малоизученных проблем международных экономических исследований. Отметим, что методология проведения типологий по уровню социально-экономического развития характеризуется большей проработанностью, чем подходы к дифференциации государств по особенностям организации промышленного производства.

В основе наиболее известной в России типологии стран мира В.В. Вольского лежит схожесть отдельных государств в отношении пространственной организации и эволюционных особенностей национального хозяйства, его роли в глобальной экономике и международных отношениях. В трех группах стран (высоко-, средне- и слаборазвитые) В.В. Вольский выделил восемь типов, а также ряд подтипов государств (Социально-экономическая география ..., 2005). Уровень развития является ключевым критерием в классификациях, разработанных международными организациями. Так, в ежегодном докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» страны мира подразделяются на развитые, развивающиеся и государства с переходной экономикой; в периодических изданиях МВФ «Перспективы мировой экономики» – на развитые и государства с формирующимися рынками и развивающиеся, в публикациях Всемирного банка – на четыре группы в зависимости от показателя ВНД на душу населения. Отметим, что до начала 1990-х годов в отношении ведущих экономик мира международные организации использовали понятие «промышленно развитые страны».

Исследования национальных форм индустриализации, в том числе в социалистических государствах Европы, получили наибольшее распространение в 1970–1980-х годах в рамках советской школы страноведения (И.М. Маергойз, Я.Г. Машбиц, Н.В. Алисов). Интерес к проблемам дифференциации стран и регионов мира по характеристикам промышленного развития иссяк по мере распространения постиндустриального императива. В результате стали появляться типологии стран мира по особенностям процесса деиндустриализации, определявшегося динамикой удельного веса промышленности в структуре ВВП и занятости (Tregenna, 2009). В XXI в. научные работы, где были выделены типы промышленного развития, являются библиографической редкостью. В перечень показателей для классификаций промышленных систем стран мира в одной из таких работ включены доля промышленности в структуре ВВП, доля машиностроения в структуре промышленного производства, а также удельный вес промышленных товаров и наукоемкой продукции в совокупном объеме экспорта (Родионова, 2002).

В основе предлагаемого нами подхода к выделению типов промышленного развития стран ЦВЕ и ЮВЕ лежит их соотнесение с одним из выявленных трендов в характере изменения роли промышленности в экономике (индустриализация / деиндустриализация / реиндустриализация), а также анализ показателей эффективности использования фактора труда, степени вовлеченности во внешнеэкономические отношения, ориентации на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью (экстенсивное или интенсивное развитие).

Тренды ре- и деиндустриализации мы выделяем с помощью анализа динамики абсолютных и относительных показателей, свидетельствующих о повышении или снижении роли промышленности в экономике. Следует разделять первичные и вторичные маркеры этих процессов. Например, существование в отдельно взятой стране тенденции к повышению эффективности промышленного производства, которая сопровождается устойчивым снижением его доли в экономике, реиндустриализацией считаться не может (но рационализацией структуры или модернизацией – вполне). Более того, опыт некоторых стран показывает, что реиндустриализация может достигаться как интенсивными, так

Таблица 1

Показатели, используемые для типологизации промышленных систем стран ЦВЕ и ЮВЕ

Показатели развития обрабатывающей промышленности в 2017 г.	Минимальные значения показателей для отнесения к интенсивному типу
А. Эффективность использования трудовых ресурсов и внимание работодателей к качеству рабочей силы	
Производительность труда, тыс. евро / человек	40% и более от уровня ЕС-28
Средние затраты на персонал, в том числе на обучение и повышение квалификации, тыс. евро / человек	40% и более от уровня ЕС-28
Б. Вовлеченность во внешнеэкономические отношения	
Объем торговли товарами к ВВП, %	Превышение уровня ЕС-28 на 40% и более
Доля иностранных компаний в структуре производства, %	Превышение уровня ЕС-28 на 40% и более
В. Ориентация на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью	
Доля машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности, %	80% и более от уровня ЕС-28
Доля средне- и высокотехнологичного экспорта в товарном экспорте, %	80% и более от уровня ЕС-28

Источник: составлено авторами.

и экстенсивными способами (например, за счет наращивания производственного потенциала в низкотехнологичных добывающих отраслях).

Аналогично, в случае с деиндустриализацией характер структурных трансформаций также вторичен по отношению к эффекту сокращения значимости промышленности в хозяйственном развитии. Трактовки понятия «деиндустриализация» в общепризнанных англоязычных толковых словарях и в ряде научных публикаций (см., например, Tregenna, 2009) подтверждают нашу позицию. Таким образом, в качестве основного показателя упомянутых выше процессов мы используем динамику удельного веса обрабатывающей промышленности в ВВП. Примечательно, что характер изменения доли обрабатывающей промышленности в структуре занятости стран региона в целом свидетельствует о корректности выводов относительно выявленных трендов.

Дифференциация стран ЦВЕ и ЮВЕ по степени интенсивности промышленного развития основана на трех составляющих (эффективность использования трудовых ресурсов и внимание работодателей к качеству рабочей силы, вовлеченность во внешнеэкономические отношения, способность выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью), каждая из которых оценивается по двум количественным показателям. Перечисление данных показателей с указанием пороговых значений отнесения промышленного развития страны к интенсивному типу представлено в табл. 1.

В качестве ориентира для сопоставления современного уровня промышленной организации используются усредненные показатели Европейского союза. Известно, что используемые его ведущими державами

принципы функционирования производственной сферы служат примером для восточноевропейских стран-членов и стран-кандидатов на вступление. Пороговые значения показателей для отнесения промышленного развития того или иного государства к интенсивному типу предложены нами. Сравнивая ранжирование стран региона отдельно по каждому показателю, можно сделать вывод о составе групп с интенсивными и экстенсивными характеристиками де- и реиндустриализации.

4. Анализ основных показателей развития промышленности ЦВЕ и ЮВЕ в XXI в.

4.1. Динамика промышленного производства

Анализ особенностей развития промышленности рассматриваемого региона целесообразно начать с сопоставления темпов прироста производства до, во время и после активной фазы экономического кризиса. Мы сделаем акцент на обрабатывающей промышленности стран региона в связи с ее абсолютным доминированием над отраслями добывающей промышленности.

Предкризисная «пятилетка» (2003–2007 гг.) стала этапом стремительного расширения объемов промышленного производства в ЦВЕ и ЮВЕ: среднегодовые темпы прироста в обрабатывающей промышленности государств региона (за исключением двух) заметно опережали таковые в странах Евросоюза в целом (см. рис. 1). В Словакии, Чешской Республике и Польше, опиравшихся на создание экспортных платформ за счет притока прямых иностранных инвестиций, этот показатель достигал внушительных 10–15%. Сопоставимые результаты были достигнуты и в слабо развитой индустриально Албании. Скромные показатели Сербии за рассматриваемый период объясняются послевоенной турбулентностью (амплитуда среднегодовых темпов промышленного прироста в первой половине 2000-х годов достигала 45%), а в Черногории затяжной спад производства продолжался в течение нескольких лет после обретения независимости.

Для траектории роста обрабатывающей промышленности большинства стран региона на рубеже 2000–2010-х годов характерно наличие двойного дна (траектория W) – отрицательные значения фиксировались в 2009 и 2012–2013 гг. Если не учитывать малые Балканские страны с наименее развитыми и подверженными флуктуациям квазиавтономными промышленными системами, то первой из стран региона производственный спад испытала Венгрия – в 2008 г. (как и ЕС в целом). Сопоставимые с Евросоюзом объемы сокращения производства в 2009 г. были зафиксированы, к примеру, в Венгрии, Чешской Республике, Словакии, Хорватии, Сербии. Следует отдельно упомянуть Польшу, где относительно низкая доля экспортной продукции в производстве, обусловленная емким внутренним рынком, позволила вторичному сектору экономики избежать серьезных потрясений: начиная с 2002 г. темпы прироста обрабатывающей промышленности ни разу не принимали отрицательных значений.

Вторая волна кризиса в промышленности Евросоюза пришлась на 2012–2013 гг. после кратковременного восстановительного этапа; примечателен тот факт, что среди стран ЦВЕ и ЮВЕ отрицательные темпы на протяжении тех же двух лет были зафиксированы лишь в Венгрии, Чешской Республике, Словении и Хорватии. Последующий шок 2012–2013 гг. оказался

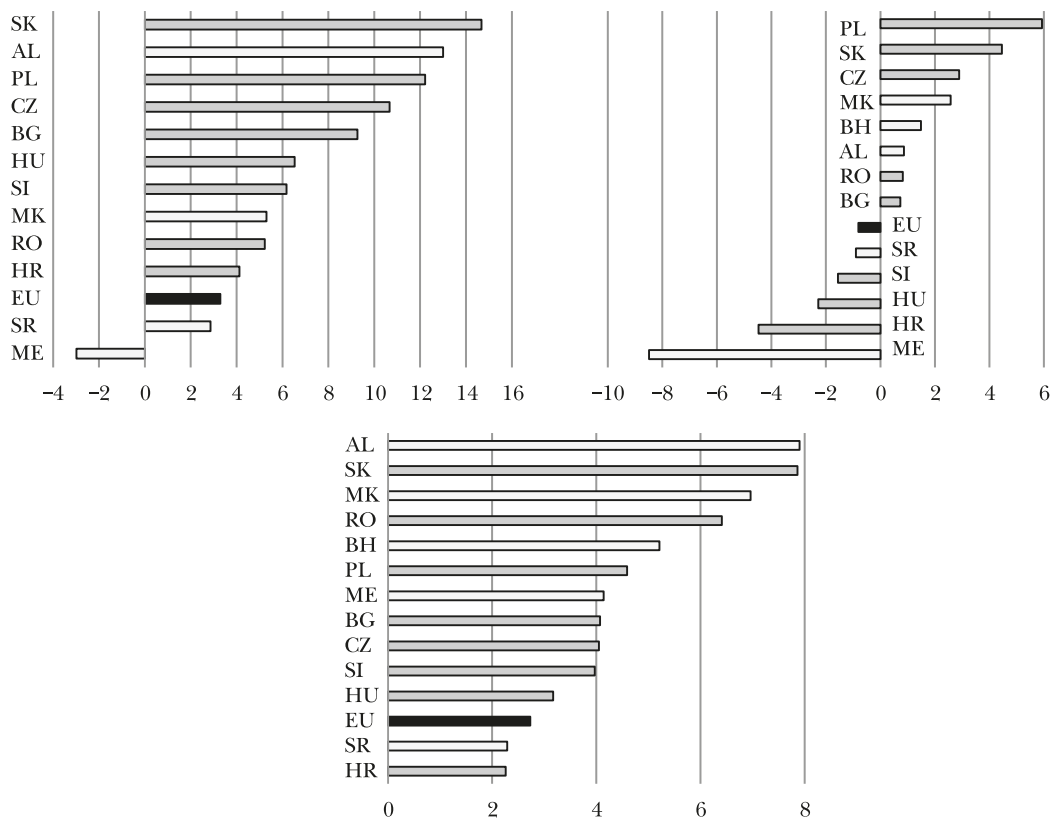

Рис. 1

Темпы прироста производства в обрабатывающей промышленности в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2003–2007, 2008–2012 и 2013–2018 гг. в среднем, % к предыдущему году

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>).

Примечание. В тексте статьи и на рисунках используются следующие аббревиатуры: AL – Албания, AT – Австрия, BG – Болгария, BH – Босния и Герцеговина, CZ – Чешская Республика, DE – Германия, EU – Европейский союз, HR – Хорватия, HU – Венгрия, IT – Италия, ME – Черногория, MK – Северная Македония, PL – Польша, RO – Румыния, SI – Словения, SK – Словакия, SR – Сербия.

Темно-серым цветом обозначены показатели стран, входящих в ЕС; светло-серым – стран, не являющихся членами ЕС; черным цветом – показатели ЕС.

менее заметным, чем спад в 2009 г., во всех государствах региона, кроме Албании и Румынии (рис. 1).

С середины 2010-х годов обрабатывающая промышленность стран ЦВЕ и ЮВЕ вновь стала расти, хотя и не такими высокими темпами, как до экономического кризиса. Очевидно, определенную роль сыграл и эффект низкой базы, но считать случившийся на рубеже десятилетий W-образный спад в промышленности региона труднопреодолимым препятствием было бы весьма опрометчиво. В два-три раза быстрее, чем в Европейском союзе в целом, в 2013–2018 гг. развивались отрасли обрабатывающей промышленности в Словакии, Румынии,

Северной Македонии и Албании (в среднем на 6–8% в год). Случаи отрицательных годовых темпов роста единичны и, по большому счету, связаны с форс-мажорными обстоятельствами. Заметно снизился и уровень флуктуаций, даже у стран, наиболее зависящих от конъюнктуры зарубежных рынков (таких как Словакия), и государств с незрелыми промышленными системами (Черногории, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины).

Роль вторичного сектора в экономическом развитии страны принято оценивать по его доле в структуре ВВП. На рис. 2 и 3 приведены данные по доле обрабатывающей промышленности в ВВП в 13 странах региона. Как известно, на заключительном этапе социалистической индустриализации в связи с отсутствием конкурентоспособной сферы услуг доля вторичного сектора в ВВП и занятости в странах-членах СЭВ достигала 35–50%. Дальнейший процесс замещения вторичного сектора третичным, в структуре которого практически отсутствовали отрасли экономики знаний, не привел к возникновению условий перехода к постиндустриальной стадии развития.

Потенциал реиндустриализации в странах, где доля обрабатывающей промышленности в ВВП превышала накануне кризиса среднеевропейскую (20–25% в Чешской Республике, Словакии, Словении и Румынии против 15% в Евросоюзе в целом), очевидно, был иным, отличным от стран с очаговым промышленным ландшафтом (5% – в Албании, 10% – в Северной Македонии

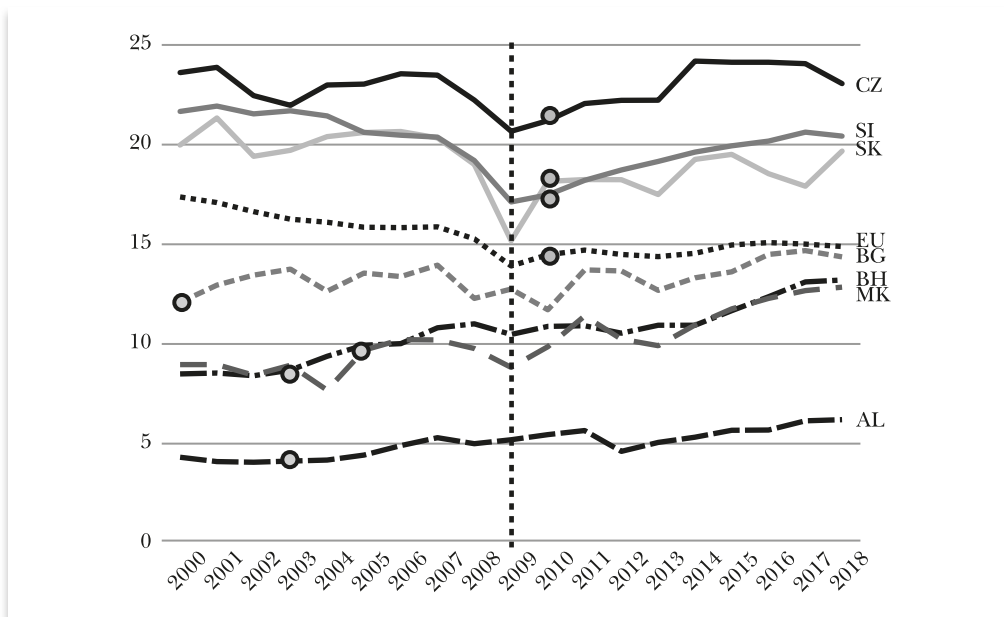
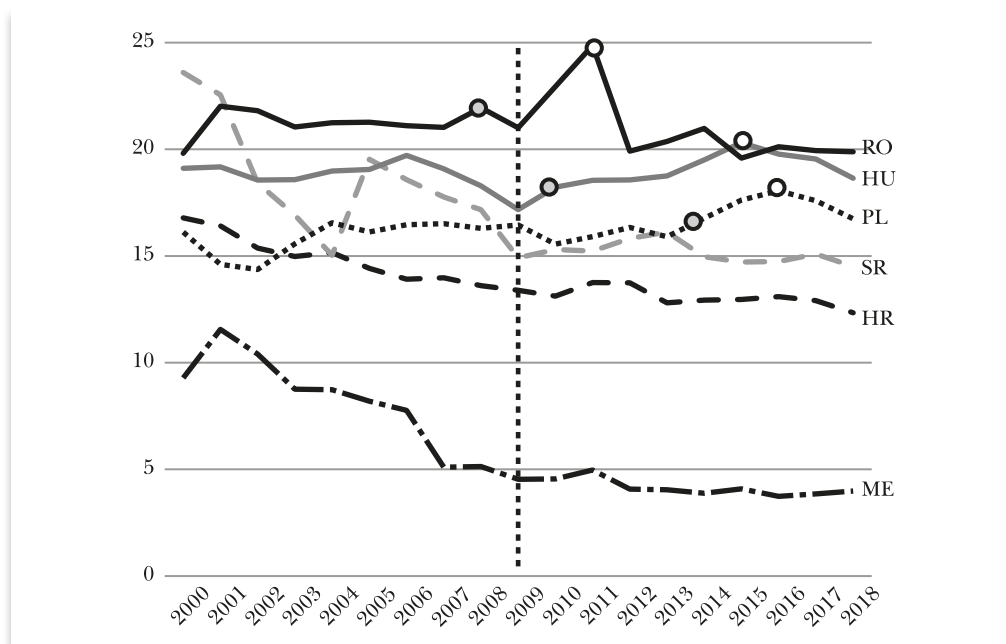

Рис. 2

Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2000–2018 гг., в % (первая группа стран)

Примечание. Пунктирной линией показаны страны, характеризующиеся устойчивым трендом деиндустриализации; серой точкой отмечено начало процесса реиндустриализации, белой точкой – возвратной деиндустриализации.

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>).

Рис. 3

Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2000–2018 гг., % (вторая группа стран)

Примечание. Серым цветом отмечено начало процесса реиндустриализации.

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>).

и Боснии и Герцеговине). Посткризисный восстановительный рост абсолютных и относительных показателей в ряде из них может лишь частично компенсировать спад периода деиндустриализации 1990-х годов. Впрочем, таргетирование показателей индустриального роста не должно являться самоцелью, в отличие, например, от решения задач структурной рационализации и улучшения качественных характеристик функционирования национальных промышленных систем (Лобанов, 2017б). Отметим в этой связи, что большинство стран ЦВЕ и ЮВЕ отличаются превышением доли вторичного сектора в занятости над его долей в ВВП, что говорит о преобладании в структуре промышленности трудоемких отраслей, характеризующихся низкой производительностью.

4.2. Трудовые ресурсы в промышленности

Серьезным испытанием для рынков труда стран ЦВЕ и ЮВЕ стал хозяйственный кризис конца 2000-х годов. Впрочем, большее влияние на их развитие оказали последствия рыночных реформ 1990-х годов: к примеру, занятость в промышленности Польши только за 1990–1993 гг. сократилась на четверть.

Государства Вишеградской группы в целом справились с напряженностью на рынке труда лучше, чем страны ЮВЕ (рис. 4 и 5). Во-первых, глубина спада у них была различной: тогда как, например, в Венгрии или Польше занятость в промышленности в активной фазе кризиса снизилась на 8–10%, в большинстве

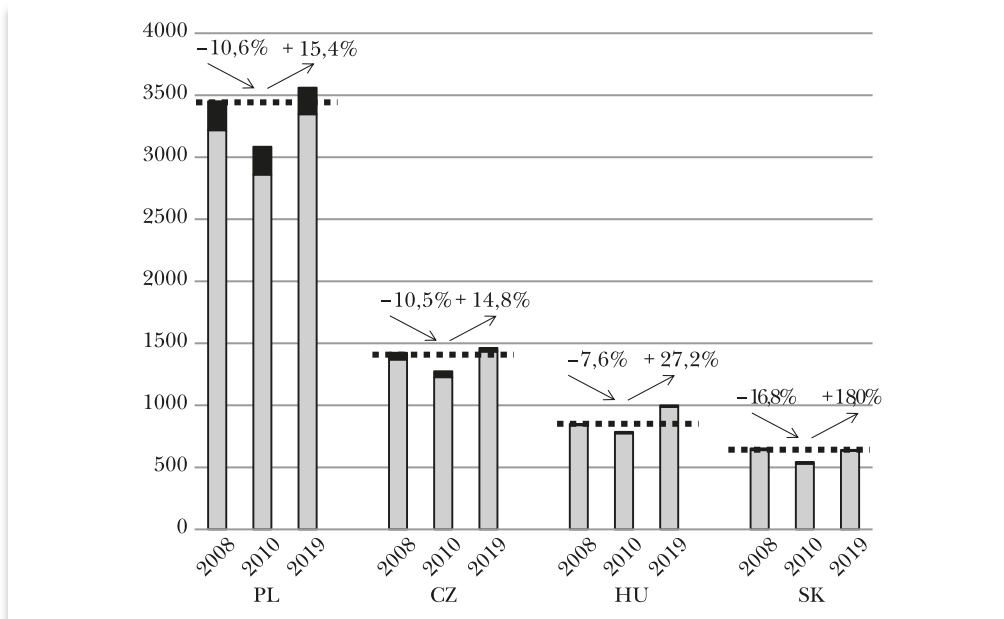

Рис. 4

Динамика численности занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности стран Визegradской группы в 2008–2019 гг., млн человек

Примечание. Черным цветом показана занятость в добывающей промышленности.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

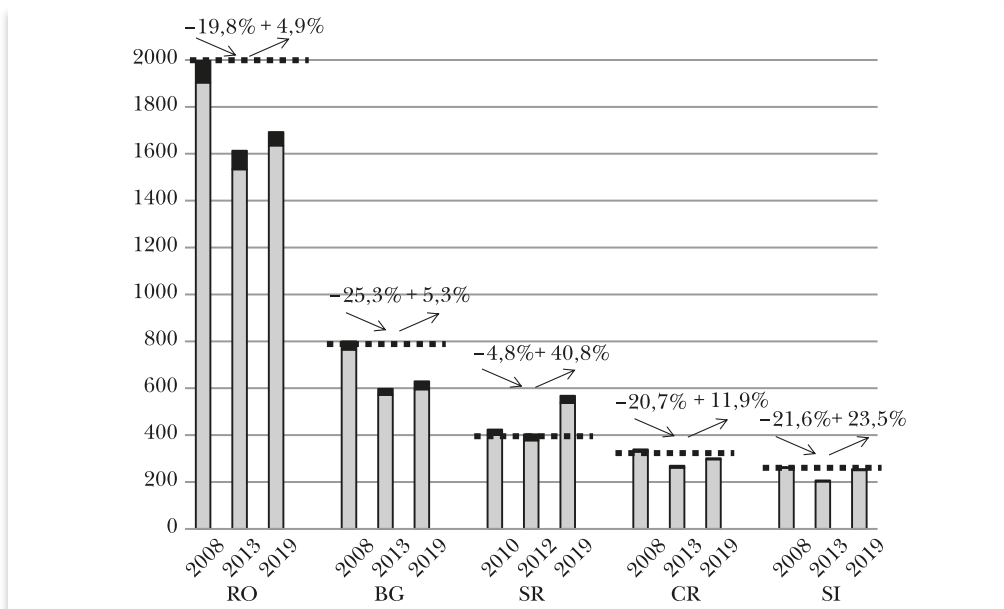

Рис. 5

Динамика численности занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности стран Юго-Восточной Европы в 2008–2019 гг., млн человек

Примечание. Черным цветом показана занятость в добывающей промышленности.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

стран ЮВЕ – на 20–25%. Во-вторых, продолжительность спада у Вишеградской Четверки была заметно меньшей: минимальное число занятых в промышленности Польши, Чешской Республики, Венгрии и Словакии было зафиксировано в 2010 г., а почти во всех странах ЮВЕ – в 2013 г. В-третьих, в Вишеградских странах предкризисные показатели занятости были превышены уже в середине 2010-х годов (за исключением Словакии), тогда как среди государств второй группы такими успехами может похвастать только Сербия. В 2019 г. в румынской промышленности было на 16% меньше рабочих мест, чем в 2008 г., а в болгарской – на 21%.

Динамику занятости в значительной степени определяет обрабатывающая промышленность. Роль добывающих отраслей неуклонно снижается, несмотря на принимаемые в ряде государств меры, направленные на сохранение рабочих мест на предприятиях, многие из которых являются убыточными, но выполняют градообразующие функции. В большинстве стран региона доля добывающих отраслей в структуре занятости в промышленности не превышает 1–3%, однако есть и исключения – Польша, Болгария, Сербия (по 5–6%) и Черногория (9%).

Сокращение числа синих воротничков, вызвавшее напряженность на рынках труда в конце 2000 – начале 2010-х годов, было тесно связано с процессом *бэкшоринга (возвратной релокации)* – перемещения активов промышленных предприятий из страны-реципиента инвестиций обратно в страну происхождения материнской компании. В период кризиса произошло усиление процесса переноса производственных мощностей из стран ЦВЕ и ЮВЕ в страны происхождения капитала (Германию, Италию, Австрию и пр.), так как конкурентные преимущества восточноевропейских рынков перестают быть для предпринимателей очевидными. Одной из основных причин является сокращение разрыва в уровне оплаты труда и в уровне издержек в целом, поэтому в процесс бэкшоринга вовлекаются преимущественно трудоемкие производства (в том числе и некоторые машиностроительные). Кроме того, нельзя не отметить и участвовавших в рассматриваемый период случаев обычной релокации производств из стран ЦВЕ и ЮВЕ, например, в страны Азии или Северной Африки.

Учитывая распространенную гипотезу о решающем влиянии сближения показателей издержек труда на процесс промышленного бэкшоринга в Европе, целесообразно рассмотреть динамику почасовой оплаты труда и общих затрат на персонал в кризисный и посткризисный периоды. В результате анализа обоих показателей можно сделать вывод о сохраняющемся разрыве между ЕС-28 и большинством стран рассматриваемого региона, которые, в свою очередь, образуют гетерогенную группу (рис. 6). Уровень внутрирегиональной дифференциации остается высоким: так, в 2017 г. занятые в обрабатывающей промышленности Словении получали в 4,4 раза больше, чем в Болгарии, а общие затраты на персонал различались в 3,7 раза. Отставание стран ЮВЕ от среднеевропейских показателей заработной платы не было преодолено: в 2008–2017 гг. почасовая оплата труда работников промышленных предприятий в этих странах выросла с 1,5–2,5 до 3,0–3,5 евро, тогда как в ЕС-28 в среднем – с 11 до 14 евро. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении затрат на персонал (в Хорватии и Боснии и Герцеговине, например, они почти не повысились, тогда как в Евросоюзе выросли на 20%).

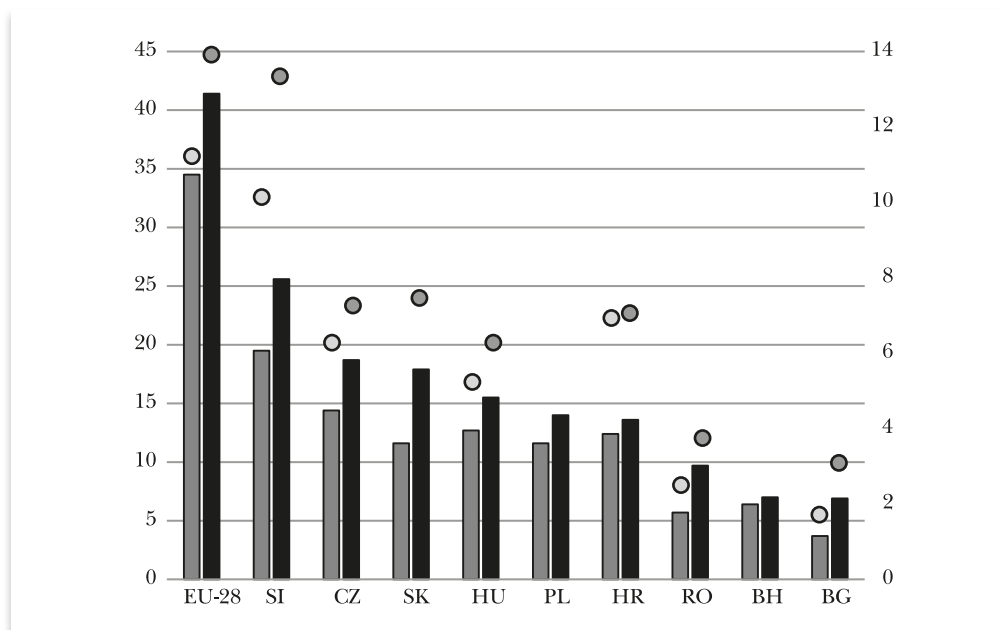

Рис. 6

Средние затраты на персонал (тыс. евро / человек) и почасовая оплата труда (евро / человек) в обрабатывающей промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2008 и 2017 г.

Примечание. Градация левой шкалы – для данных по затратам на персонал (тыс. евро / человека), правой шкалы – почасовой оплате труда (евро / человек); данные по затратам на персонал показаны с помощью столбцов (первый столбец – 2008 г., второй – 2017 г.), данные по оплате труда – пунсонов (первый пунсон – 2008 г., второй – 2017 г.).

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

Разрыв между показателями Евросоюза и стран Вишеградской группы по-прежнему не позволяет констатировать потерю ими конкурентного преимущества в виде низких трудовых издержек: заработные платы на предприятиях обрабатывающей промышленности там в 2017 г. были вдвое меньше, чем в ЕС в среднем (общие затраты на персонал – в 2–3 раза ниже). Отдельного упоминания заслуживает Словакия, которая за рассматриваемое десятилетие создала весомый задел, для того чтобы опередить другие страны Вишеградской группы по данным показателям, хотя еще в конце XX – начале XXI в. она использовала фактор самых низких трудовых издержек из стран ЦВЕ для развития обрабатывающей промышленности. Единственной страной региона, в которой заработная плата занятых в промышленности сопоставима со среднеевропейским показателем, является Словения (13,3 против 13,9 евро в час).

Обобщая, подчеркнем, что явных свидетельств снижения уровня конкурентоспособности обрабатывающей промышленности ЦВЕ и ЮВЕ вследствие удорожания рабочей силы не наблюдается. Диспропорции между Восточной и Западной Европой, в целом, остаются высокими, но это не отменяет возможности устойчивого сближения относительных затрат на труд в отдельных отраслях, что уже начинает проявляться в виде случаев промышленного бэкшоринга.

4.3. Внешнеэкономическая деятельность промышленных предприятий.

Привлечение иностранного капитала

Исследователи причин и следствий кризиса в странах ЦВЕ и ЮВЕ, как известно, сходятся во мнении о «привнесении» нестабильности на местные рынки из экономически более развитых европейских держав, тесно связанных с регионом торгово-инвестиционными отношениями. Статистические данные Евростата свидетельствуют о высоком уровне зависимости государств региона от рынков стран ЕС и после кризиса, что не согласуется с распространенным в начале 2010-х годов в экспертной среде прогнозом о неизбежной диверсификации территориальной структуры их товарооборота. По доле ЕС-27 в товарообороте среди стран-членов Евросоюза в 2019 г. лидировал Люксембург, но сразу за ним располагались пять государств ЦВЕ и ЮВЕ – Словакия, Чешская Республика, Венгрия, Хорватия и Румыния (все – с показателем 73–77%). Польша, Словения и Болгария также находились в первой половине списка наиболее ориентированных на внутриевропейский рынок стран-членов ЕС (65–70%).

С целью оценки возможных структурных сдвигов во внешней торговле стран региона мы рассчитали средние значения удельного веса ЕС-28 в их экспорте и импорте за 2008–2010 и 2017–2019 гг. (рис. 7). Выяснилось, что в торговле большинства стран позиции Евросоюза не только не ослабли, но и заметно укре-

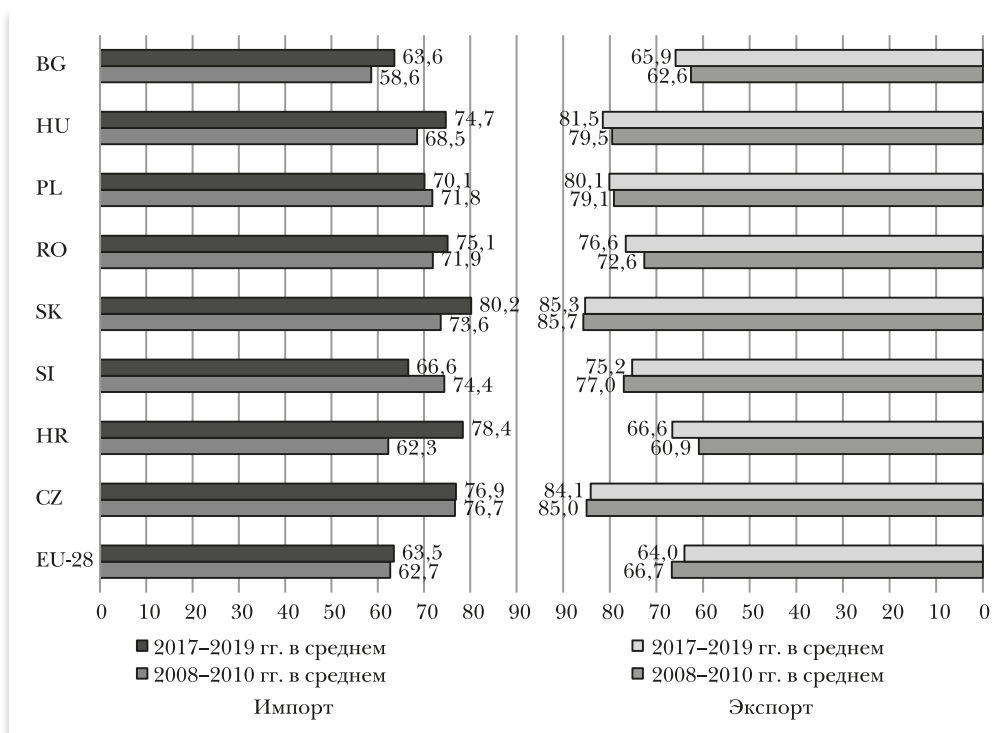

Рис. 7

Доля ЕС-28 в территориальной структуре экспорта и импорта стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2008–2010 и 2017–2019 гг. в среднем, %

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

пились. Следует отметить эффект от вступления в Евросоюз для стран-участниц расширений 2007 и 2013 г. – Хорватии, Румынии и Болгарии. В импорте Словакии и Венгрии доля ЕС в посткризисный период также выросла, что косвенно свидетельствует о производственной активности европейских ТНК на их территории. Единственной страной региона, где позиции Евросоюза ухудшились как в экспорте, так и в импорте, является Словения.

Отметим, что государства северной части региона (за исключением Польши) характеризуются большей степенью открытости экономики, чем большинство стран ЮВЕ: отношение объема товарной торговли к ВВП (показатель внешнеторговой квоты) в 2017 г. в Словакии достигал 170%, в Чешской Республике, Венгрии и Словении – 150%, тогда как в Албании или Черногории не превышал 60–65%.

Внешнеторговая ориентация стран ЦВЕ и ЮВЕ на Евросоюз в немалой степени выступает следствием использования ими модели экономического роста, основанного на привлечении иностранного капитала. Данная разновидность капиталистических отношений, получившая распространение в новых странах-членах ЕС, в литературе известна как *зависимые рыночные экономики*¹. Иностранные компании играют определяющую роль в формировании отраслевой и территориальной структуры обрабатывающей промышленности в странах региона (рис. 8). К примеру, в Словакии на них приходится 82% про-

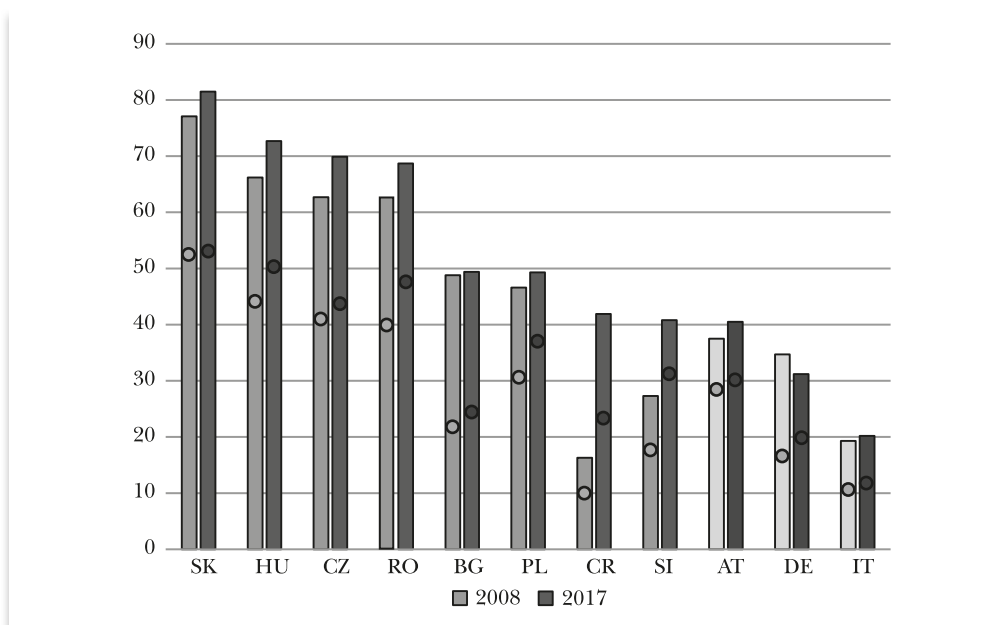

Рис. 8

Доля иностранных компаний в структуре производства и занятости в обрабатывающей промышленности отдельных стран ЕС в 2008 и 2017 г., %

Примечание. Данные по доле иностранных компаний в структуре производства показаны с помощью столбцов (первый столбец – 2008 г., второй – 2017 г.), данные о доле иностранных компаний в структуре занятости – пунсонов (первый пунсон – 2008 г., второй – 2017 г.).

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

¹ Зависимые рыночные экономики развиваются за счет привлечения иностранного капитала и отличаются высокой степенью внешнеэкономической открытости и активным участием в международном разделении труда. В результате параметры их институциональной среды определяются зарубежными ТНК, благодаря которым они встроены в трансграничные цепочки добавленной стоимости, а основным механизмом координации становятся внутренние иерархические связи этих компаний (Любанов, Глинкина, 2020).

изводства и 53% занятых в обрабатывающих отраслях, в Венгрии, Чешской Республике и Румынии – около 70 и 40–45% соответственно. Они находятся в числе стран-лидеров Евросоюза по показателям влияния иностранного капитала на производственную деятельность, уступая лишь Ирландии. В целом тенденция повышения доминирования зарубежных ТНК в промышленности государств региона в посткризисный период продолжилась, что отличает их от внешнеэкономических стран-партнеров – Австрии, Германии или Италии.

Динамика удельного веса иностранных компаний в 2008–2017 гг. была положительной и не характеризовалась заметными флуктуациями (за исключением Словакии, ощутившей двойное дно кризиса в промышленности в 2009 и 2012 г.). Для этой страны, достигшей самых высоких показателей доминирования иностранного капитала во вторичном секторе экономики, можно прогнозировать замедление темпов прироста доли зарубежных фирм в производстве и занятости. Используемые с первой половины 2010-х годов меры, направленные на сокращение влияния иностранных ТНК на экономику Венгрии (так называемая политика экономического патриотизма), не затронули обрабатывающую промышленность, в отличие, например, от банковской сферы или розничной торговли. Среди других государств Вишеградской группы выделяется Польша, характеризующаяся относительно низкой внешнеэкономической открытостью, емким внутренним рынком и диверсифицированной структурой производства. Доля иностранных компаний в структуре производства в обрабатывающей промышленности Словении и Хорватии быстро растет и достигла к 2017 г. 40%.

Сравнение доли иностранных компаний в структуре выпуска и занятости позволяет сделать вывод об их более высокой производительности по сравнению с местными предприятиями. К примеру, в Чешской Республике на 44% занятых в филиалах зарубежных ТНК в обрабатывающей промышленности приходится 70% совокупного выпуска, в Болгарии – на 24% – 49% выпуска, в Хорватии – на 23% – 42% выпуска.

4.4. Рационализация структуры и эффективность промышленного производства

Технологическая и управленческая модернизация выступает одним из основных императивов развития промышленности Евросоюза в посткризисный период, с чем связано особое внимание к этим процессам в странах ЦВЕ и ЮВЕ. Приоритеты реструктуризации промышленности в государствах региона формируются в условиях внешнеэкономической открытости и распространения имитационных (экзогенных) механизмов модернизации. С одной стороны, привлечение иностранного капитала способствовало рационализации отраслевой структуры промышленности, а местные производители получили возможность заимствовать технологии и ноу-хау ведущих мировых корпораций. В отдельных отраслях зарубежные ТНК способствовали достройке верхних звеньев технологических цепочек, что позволило осуществить переход от неполных производственных циклов к полным. Однако, с другой стороны, недостаточная зрелость локальных рынков отражалась на их абсорбционной способности в отношении спилловер-эффектов (экстерналий), что ограничивало распространение инноваций в странах-реципиентах капитала. Кроме того, постепенное упрощение национальных промышленных комплексов ряда стран ЦВЕ и ЮВЕ до экспорт-

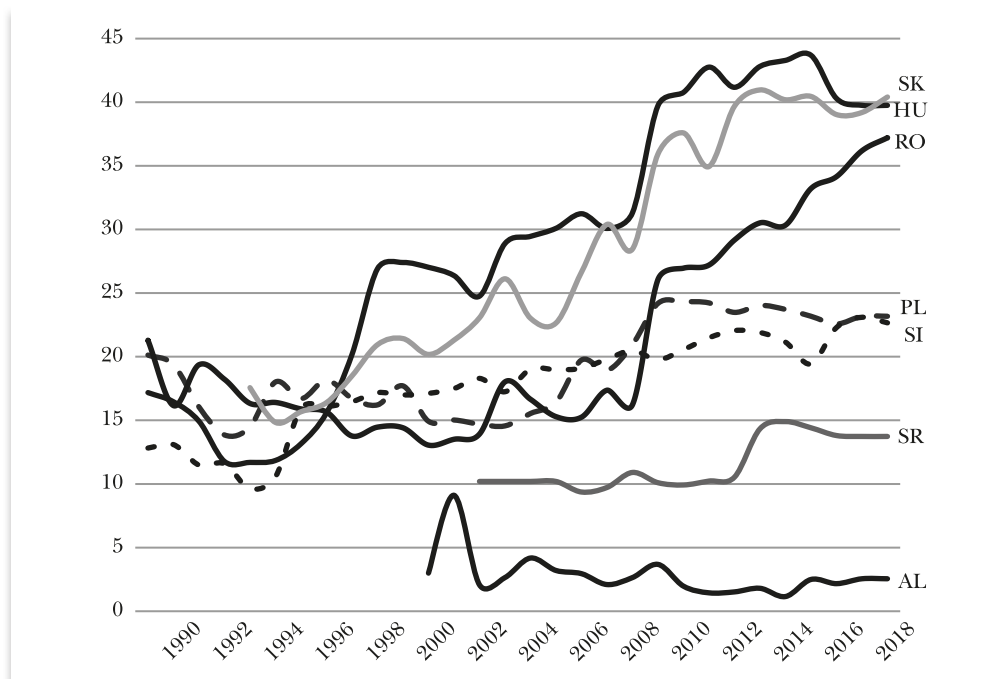

Рис. 9

Доля машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ в 1990–2018 гг., %

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>).

ных платформ привело к тому, что потребность в диффузии инноваций просто отпала (Лобанов, 2017а).

Стремление иностранных ТНК использовать конкурентные преимущества стран ЦВЕ привело к заметным сдвигам в отраслевой и территориальной структуре их производства. Одной из наиболее показательных структурных трансформаций стало повышение доли машиностроения, представленного в основном экспортоориентированными предприятиями, связанными друг с другом технологическими цепочками. В ряде стран региона возникла специализация на машиностроении: в 1992–2018 гг. его доля в структуре обрабатывающей промышленности Венгрии выросла с 12 до 40%, Словакии – с 17 до 40%, Румынии – с 18 до 37% (рис. 9).

Некоторое время лидирующие позиции по объему привлекаемого капитала занимала Венгрия, заметно нарастившая за счет этого производственный потенциал, в том числе в машиностроении («Венгерское чудо» 1990-х годов). Во второй половине 1990-х годов в конкурентную борьбу за инвестиции включились Чешская Республика, Словакия и Польша, а в первой половине 2000-х годов – Румыния, что повлекло за собой соответствующие структурные сдвиги. В свою очередь, в Словении не произошло скачкообразного роста доли машиностроения в обрабатывающей промышленности, поскольку страна опиралась на собственные ресурсы капитала, ограничивая при этом масштаб приватизации (см. рис. 9). Наконец, в Балканских странах специализация на машиностроении не

сформировалась, несмотря на функционирование отдельных крупных предприятий: например, в Черногории в 2018 г. его доля в обрабатывающей промышленности составляла 10%, в Боснии и Герцеговине – 8%, в Албании – 2%.

Важным показателем соответствия функциональной структуры промышленности стран региона современному технологическому укладу является удельный вес средне- и высокотехнологичных отраслей в структуре производства, занятости и экспорта. Сравнивая данные по уровню технологичности экспорта стран ЦВЕ и ЮВЕ за 1997, 2007 и 2017 г., можно сделать вывод о том, что наибольший прирост доли средне- и высокотехнологичных отраслей в странах Вишеградской группы и Словении пришелся на предкризисные 2000-е годы, тогда как в ряде стран ЮВЕ (Болгарии, Сербии, Северной Македонии) – на посткризисный период (рис. 10). Венгрия, Словакия и Чешская Республика занимают соответственно первое, третье и четвертое места по данному показателю среди стран Евросоюза (70–75%; на второй позиции – Германия), что является неопровержимым доказательством рационализации структуры их промышленности. Следует отметить и успехи Румынии, которая с конца 1990-х годов опередила шесть стран-соседей по региону. В то же время в Албании и Боснии и Герцеговине уровень технологичности экспорта за 20 лет даже снизился, а в Черногории – остался прежним.

Ключевым показателем эффективности хозяйственной деятельности выступает производительность труда. Во всех странах региона производительность

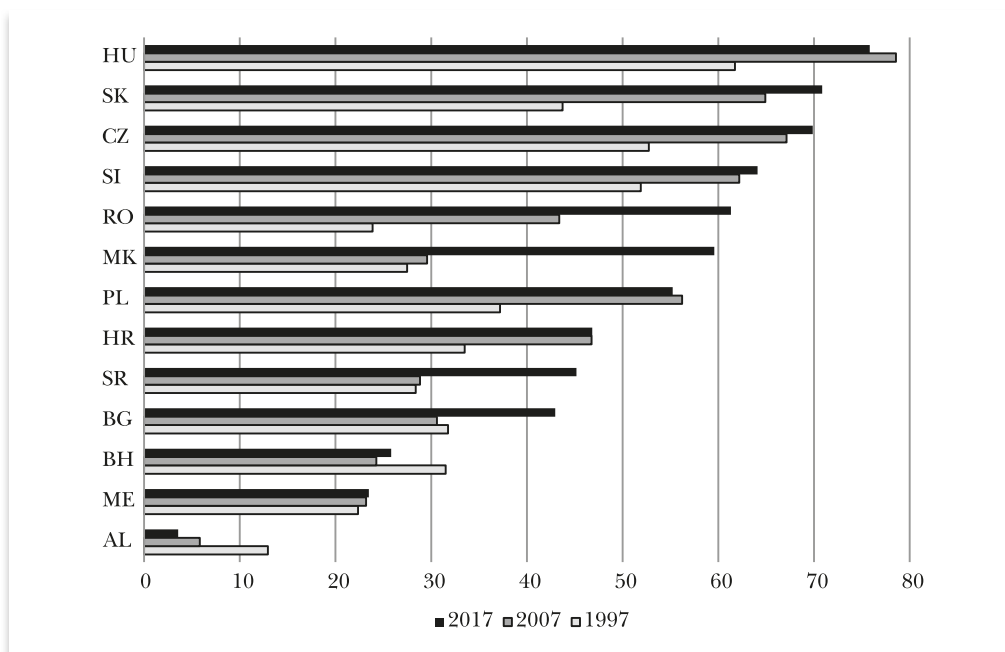

Рис. 10

Доля средне- и высокотехнологичного экспорта в совокупном товарном экспорте в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 1997, 2007 и 2017 г., %

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Всемирного банка (<https://data.worldbank.org>).

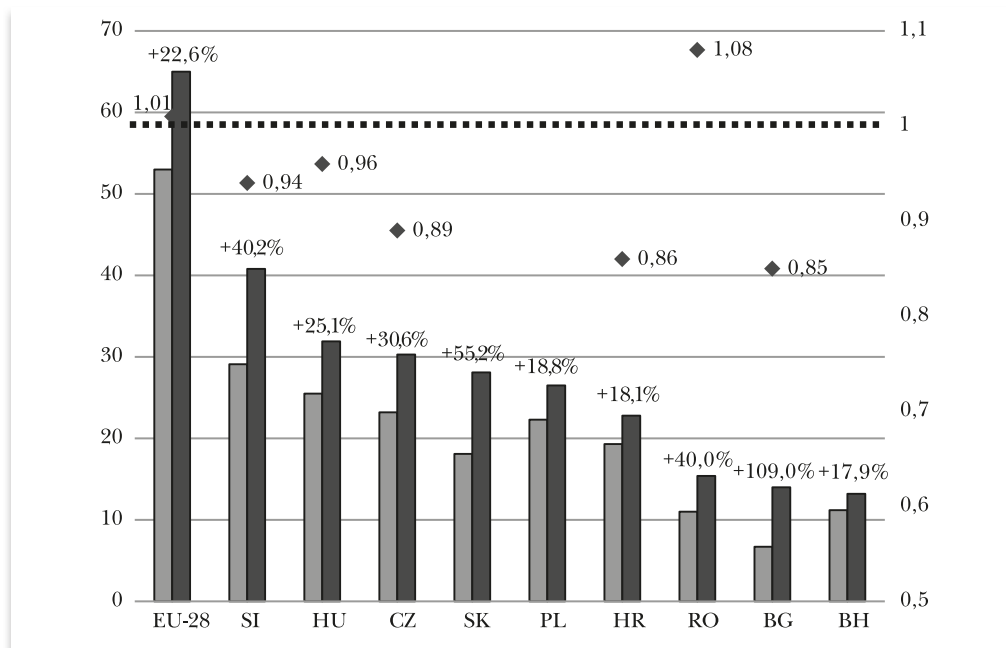

Рис. 11

Производительность труда (тыс. евро / человек) в обрабатывающей промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2008 и 2017 гг. и соотношение ее динамики и динамики почасовой оплаты труда

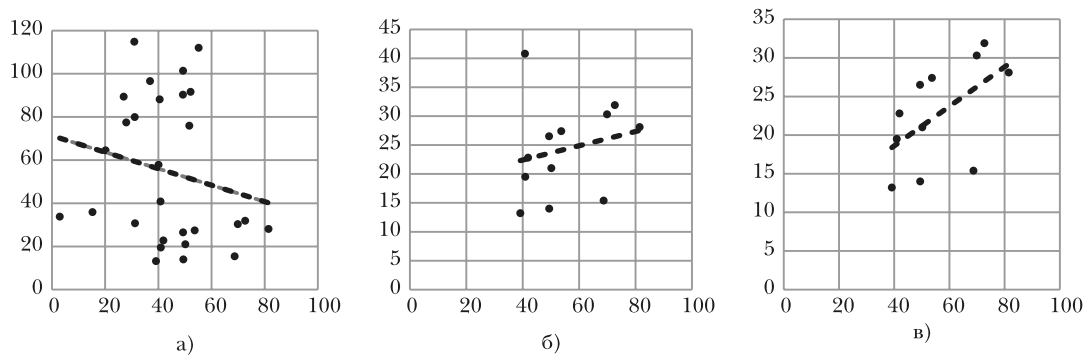
Примечание. Градация левой шкалы – для данных по производительности труда, показанных в виде столбцов (тыс. евро / человек); правой шкалы – для показателя отношения прироста почасовой оплаты труда к приросту производительности труда в 2008–2017 гг.; значения показателя для отдельных стран подписаны у соответствующих пунсонов.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

ность труда в обрабатывающей промышленности существенно ниже среднего уровня ЕС-28, что сдерживает процесс размещения иностранными инвесторами мощностей на их территории: в Словении она составляет 63% средневропейской, в странах Вишеградской группы – от 41 до 49%, в странах ЮВЕ – всего 20–25% (рис. 11). При этом не все государства региона успешно ликвидируют это отставание: например, в Польше или Хорватии производительность в 2008–2017 гг. росла медленнее, чем в Евросоюзе в целом.

Наши расчеты соотношения динамики почасовой оплаты труда и динамики производительности труда и в обрабатывающей промышленности в 2008–2017 гг. показали, что в отличие от ЕС-28 в большинстве стран региона производительность растет опережающими темпами по сравнению с заработными платами (см. рис. 11). Однако в Румынии наблюдается обратная картина: более быстрый рост оплаты труда может быть связан с дефицитом квалифицированной рабочей силы (как следствие массовой эмиграции) или с политически мотивированным повышением заработных плат в государственном секторе, побуждающим к увеличению фонда заработной платы и частный бизнес.

Попробуем дать ответ на вопрос, связана ли положительная динамика производительности труда с привлечением прямых иностранных инвестиций

Рис. 12

Зависимость между производительностью труда и долей иностранных компаний в структуре производства в обрабатывающей промышленности стран Европы в 2017 г.

Примечание. По оси X – значения доли иностранных компаний в структуре производства, по оси Y – производительности труда; точечные диаграммы построены для: а) 28 стран Европы, б) 12 стран ЦВЕ и ЮВЕ, в) 11 стран ЦВЕ и ЮВЕ (без Словении).

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat>).

и наращиванием доли иностранных компаний в совокупной структуре выпуска. Кроме того, связь этих показателей будет косвенно свидетельствовать о расчленении обрабатывающей промышленности на два сектора (дуализме), характеризующихся различными показателями производительности. Диаграмма, построенная на основе данных за 2017 г. для 28 стран Европы, показывает отрицательную корреляцию между степенью проникновения иностранного капитала и производительностью (рис. 12). Однако в случае 12 стран ЦВЕ и ЮВЕ, многие из которых развивают промышленный потенциал за счет внешнеэкономической открытости, мы получаем противоположный результат. Более того, если исключить из выборки Словению – страну с самым высоким показателем производительности труда в регионе, достигнутым преимущественно за счет внутренних, а не внешних ресурсов, – исследуемая зависимость окажется очень высокой. Вероятно, повышение производительности труда в обрабатывающей промышленности стран региона связано, главным образом, с экзогенными факторами.

5. Обсуждение результатов и выводы

Обобщим результаты, полученные в ходе анализа показателей промышленного развития государств ЦВЕ и ЮВЕ. Тенденция снижать доли обрабатывающей промышленности в ВВП в конце 2010-х годов характерна для шести стран региона (табл. 2). В Венгрии и Польше данный тренд наметился в 2015–2016 гг. после ряда лет, когда доля обрабатывающей промышленности повышалась, в связи с чем мы называем его *возвратной деиндустриализацией*. При этом в Венгрии снижаются и абсолютные показатели производства (Лобанов, 2017б). Динамика относительных и абсолютных показателей промышленного развития свидетельствует о том, что в Румынии также происходит процесс деиндустриализации, который начался раньше (в 2012 г.) и сопровождался общественно-поли-

Таблица 2

Типы развития промышленности стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы

Тип развития	Интенсивное промышленное развитие		Переходное к интенсивному промышленное развитие	Экстенсивное промышленное развитие
	с высоким уровнем внешнеэкономической открытости	со средним уровнем внешнеэкономической открытости		
Реиндустриализация	Чешская Республика, Словакия	Словения		
Возвратная деиндустриализация	Венгрия	Польша	Румыния	
Устойчивая деиндустриализация				Хорватия, Сербия, Черногория
Вторичная (рыночная) индустриализация				Болгария, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Албания

Источник: составлено авторами.

тической нестабильностью, повлиявшей на экономическую активность населения и повысившей уровень инвестиционных рисков.

Характеристики типа возвратной деиндустриализации в трех выделенных странах различны. Первая разновидность (Польша, Венгрия) – интенсивное промышленное развитие, отличающееся эффективным использованием факторов производства и неопределенными перспективами ориентации на традиционные рынки стран-партнеров по ЕС. Если в Польше наличие емкого внутреннего рынка предопределило невысокую по сравнению с соседями по региону внешнеторговую открытость и эксплуатацию собственных ресурсов роста в периоды внешних шоков, то в Венгрии пертурбации во взаимоотношениях с Брюсселем в перспективе могут привести к расширению политики экономического национализма на промышленность. Однако Польшу и Венгрию объединяет схожесть конкурентных преимуществ, при этом они все в большей степени ориентируются на развитие мягких, а не жестких факторов привлечения инвестиций. Интенсивный характер промышленного развития подтверждают и сравнительно высокие производительность труда и квалификация рабочей силы, а также специализация на выпуске средне- и высокотехнологичной продукции.

В Румынии только начался переход от экстенсивного к интенсивному промышленному развитию, обусловленный структурной модернизацией производства за счет притока прямых иностранных инвестиций. Конкурентные преимущества Румынии связаны с низкими издержками (в том числе на труд), наличие которых оказывается для инвесторов важнее существующих институциональных рисков и невысокой производительности. При этом в отличие от большинства стран региона в Румынии темпы увеличения почасовой оплаты труда опережают темпы роста производительности (см. рис. 11). Уровень проникновения иностранного капитала уже весьма значителен, что определяет и скорость структурной перестройки производства (см. рис. 9 и 10).

Восстановление репутации промышленной политики в Евросоюзе после кризиса конца 2000-х годов принесит определенные плоды не только в основ-

ных странах-производителях: обнадеживающие признаки *реиндустриализации* фиксируются в Чешской Республике, Словакии и Словении (см. рис. 3). Чешская Республика при этом уже достигла естественного предела значений доли обрабатывающей промышленности в ВВП для среднеразвитых диверсифицированных рыночных экономик (около 25%), поэтому можно прогнозировать ее плавное снижение в ближайшие годы.

Сопоставление механизмов реиндустриализации в данных странах позволяет нам отличать интенсивное промышленное развитие с высоким (Чешская Республика и Словакия) и со средними уровнями внешнеэкономической открытости (Словения). Трансформация структуры чешской и словацкой промышленности в рыночных условиях изначально происходила за счет масштабной приватизации и импорта капитала, тогда как Словения представляла известный случай поступательной и ограниченной либерализаций. Показательно, что если не учитывать Словению при анализе взаимосвязи между производительностью труда и долей иностранных компаний в структуре промышленности стран ЦВЕ и ЮВЕ, то исследуемая зависимость окажется очень высокой – это свидетельствует о преобладании эндогенных факторов роста производительности в Словении – в отличие от остальных государств региона (см. рис. 12). Тем не менее, как показывают данные, словенская промышленность все в большей степени опирается в своем развитии на внешние источники роста (см. рис. 8). Производственный потенциал с высокой эффективностью используется Чешской Республикой, Словакией и Словенией, по ряду показателей она превосходит таковую в Венгрии и Польше. В особенности это утверждение относится к Словении, которая выделяется по качеству сопутствующей инфраструктуры, квалификации рабочей силы и производительности труда.

В трех Балканских странах (Сербия, Хорватия, Черногория) доля обрабатывающей промышленности в ВВП неуклонно снижается с начала 1990-х годов, причем Черногория по этому показателю уже находится в одном ряду с наименее развитыми странами Африки и Океании. Можно предположить, что *устойчивая деиндустриализация* в Черногории и, с некоторыми оговорками, в Хорватии не воспринимается в качестве системного риска руководством этих стран, доходы в которых генерируются во многом за счет эксплуатации природно-климатических ресурсов. Ориентация на менее требовательные к квалификации рабочей силы такие сервисные отрасли, как гостиничный или ресторанный бизнес, постепенно снижает научно-образовательный и, соответственно, инновационный потенциал данных стран. В Сербии политическую волю к спасению неэффективных флагманских предприятий можно оценить как более высокую, однако динамика промышленного роста остается неустойчивой. Зависимость вторичного сектора экономики данных стран от иностранных ТНК растет, однако инвестиционный потенциал ограничен рядом важных конкурентных недостатков. К примеру, Хорватия отличается самым высоким уровнем трудовых издержек в ЮВЕ, а по темпам роста производительности труда она уступает почти всем государствам ЦВЕ и ЮВЕ.

Прочие страны ЮВЕ объединяет ряд общих признаков, что позволяет нам считать их странами *вторичной (рыночной) индустриализации* (по аналогии с первичной / пионерной социалистической индустриализацией). Во-первых, они

характеризовались катастрофическим по масштабу и более продолжительным по сравнению со странами ЦВЕ сокращением объемов промышленного производства после распада социалистического блока: в Болгарии в 1990–1995 гг. они снизились в шесть раз, в Албании – в три раза, в Северной Македонии – в два раза (Лобанов, 2017а). Таким образом, опорный каркас промышленности этим странам пришлось создавать заново, поэтому мы предполагаем вторичный характер индустриализации. Во-вторых, этап создания промышленности с нуля ожидаемо характеризовался высокими темпами роста. В-третьих, процесс реиндустриализации в Албании, Болгарии, Северной Македонии, Боснии и Герцеговине начался еще в первой половине 2000-х годов и никак не связан с посткризисным промышленным ренессансом в Европейском союзе.

Вторичная индустриализация в рассматриваемых государствах проходит по экстенсивному пути. Предприятия пытаются решить проблему дефицита капитала за счет привлечения прямых иностранных инвестиций, но высокий уровень политических рисков и экономической неопределенности в сочетании с удаленностью от рынков продаж, низкой капиталоемкостью и трудоотдачей негативным образом влияют на их конкурентоспособность. В процессе выбора площадок для релокации производства иностранные компании ориентируются на традиционные жесткие факторы (главным образом, низкую стоимость рабочей силы) и встраивают свои дочерние предприятия в начальные звенья региональных и глобальных производственных цепочек. В связи с этим число инвестиционно привлекательных отраслей остается ограниченным, что усиливает эффект инерции структуры.

Сравнение стран ЦВЕ и ЮВЕ по показателям функционирования производственных предприятий в XXI в. позволило выявить четыре современных типа промышленного развития, отличающихся специфическим набором характеристик. Анализ возможной вариативности и устойчивости этих типов к изменениям внутренней и внешней среды может выступать одним из перспективных направлений дальнейших исследований. За отсутствием необходимого массива данных мы пока можем лишь предполагать, что вызванный распространением коронавирусной инфекции производственный спад 2020 г. не оказал влияния на распределение стран региона по выделенным нами типам. Несмотря на беспрецедентную в новейшей истории Европы глубину сокращения объемов производства, проблемный этап был скоротечным. Однако в случае затяжного ухудшения условий мировой торговли страны ЦВЕ и ЮВЕ столкнутся с необходимостью поиска новых источников экономического роста, что повлечет за собой системные изменения в организации промышленности.

Предложенный в данной работе подход к типологизации промышленных систем современных государств может способствовать развитию методологического аппарата экономики промышленности и компаративных международных исследований. Рассматриваемая проблематика изучена пока в недостаточной мере, поэтому наши изыскания могут стимулировать исследовательскую активность в этом направлении. Возможно использование указанных принципов типологизации с целью выявления особенностей развития промышленности других макрорегионов, в частности стран с формирующимися рынками. Тенденции промышленного развития стран ЦВЕ и ЮВЕ целесообразно проецировать и на

российские реалии: описанные в работе показатели могут помочь определить место отечественных предприятий в международном разделении труда и указать причины их отставания в уровне конкурентоспособности. Все большую актуальность приобретает изучение проблем соответствия российской промышленности зарождающемуся технологическому укладу Четвертой промышленной революции, в частности оценка текущего уровня ее наукоемкости и перспектив встраивания в формирующиеся глобальные цепочки добавленной стоимости. Наконец, анализ показателей эффективности использования трудовых ресурсов, ряд из которых представлен в данной работе, позволит привлечь внимание к проблеме качества человеческого капитала и эффективности производственных процессов.

Результаты представленного исследования могут быть использованы при разработке или внесении корректив в существующую промышленную политику. Как показано в работе, роль вторичного сектора в структуре экономики не должна ограничивать поиск и внедрение эффективных механизмов регулирования функциональной и пространственной организации промышленного производства. Применение лучших практик повышения производственной эффективности создает условия для перехода от экстенсивного к интенсивному промышленному развитию как при реиндустриализации и вторичной индустриализации, так и в случае деиндустриализации. Адаптация принципов интенсивного промышленного развития, очевидно, должна опираться не на позиции формального универсализма, а иметь избирательный характер с учетом специфики устоявшихся экономических отношений и имеющихся сочетаний факторов хозяйственного роста.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы (2014). М.: Институт Европы РАН. [*European integration: Influence on economic development of Central and Eastern Europe* (2014). Moscow: Institute of Europe RAS (in Russian).]
- Лобанов М.** (2017а). Промышленность стран ЦВЕ и ЮВЕ в 1990–2015 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 2. С. 74–84. [**Lobanov M.** (2017a). Industry of CEE and SEE countries in 1990–2015. *World Economy and International Relations*, 61 (2), 74–84 (in Russian).]
- Лобанов М.М.** (2017б). Развитие промышленности. В кн.: «Постсоциалистический мир: итоги трансформации». С.П. Глинкина (общ. ред.). Т. 1. «Центрально-Восточная Европа». Н.В. Куликова (отв. ред.). СПб.: Алетея. [**Lobanov M.M.** (2017b). Industrial development. In: *The post-socialist world: transformation results*. S.P. Glinkina (editor-in-chief). Vol. 1. “Central and Eastern Europe” N.V. Kulikova (ed.). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).]
- Лобанов М.М.** (2020). Третья и Четвертая промышленные революции в странах ЦВЕ: путь к многоукладности экономики или всеобъемлющей реорганизации? В сб.: «Экономика Польши и России перед лицом вызовов промышленной революции 4.0». И.С. Синицина (отв. ред.). М.: ИЭ РАН. [**Lobanov M.M.** (2020). The Third and the Fourth industrial revolution in CEE countries: Towards multistructural

- nature of economy or the large-scale reorganization? In: *The Polish and Russian economies challenged by the industrial revolution 4.0*. I.S. Sinitsina (ed.). Moscow: IE RAS (in Russian).]
- Лобанов М.М., Глинкина С.П.** (2020). Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36 (1). С. 7–26. [**Lobanov M.M., Glinkina S.P.** (2020). Varieties of capitalist relations in foreign emerging market countries: The problems of typology and research methodology. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 36 (1), 7–26 (in Russian).]
- Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты (2012). С.П. Глинкина (отв. ред.). М., СПб.: Нестор-История. [*Modernization in the countries of Russian “neighborhood belt”: Structural and technological aspects* (2012). S.P. Glinkina (editor-in-chief). Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istorija (in Russian).]
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации (2017). С.П. Глинкина (общ. ред.). В 3 т. Т. 1. «Центрально-Восточная Европа». Н.В. Куликова (отв. ред.). СПб.: Алетея. [*The post-socialist world: Transformation results* (2017). S.P. Glinkina (editor-in-chief). Vol. 1. “Central and Eastern Europe” N.V. Kulikova (ed.). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).]
- Промышленная политика (2020). А.С. Булатов (ред.). М.: КНОРУС. [*Industrial policy* (2020). A.S. Bulatov (editor-in-chief). Moscow: KNORUS (in Russian).]
- Родионова И.А.** (2002). Оценочно-типологический подход при сравнении экономического потенциала стран мира // *Вестник РУДН. Серия «Экономика»*. № 1 (8). С. 81–90. [**Rodionova I.A.** (2002). Evaluative and typological approach for comparison of the economic potential of the countries of the world. *RUDN Journal of Economics*, 1 (8), 81–90 (in Russian).]
- Социально-экономическая география зарубежного мира (2005). В.В. Вольский (отв. ред.). М.: Изд-во «Дрофа». [*Socio-economic geography of foreign countries* (2005). V.V. Volsky (editor-in-chief). Moscow: Drofa (in Russian).]
- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века (2002). В 3 т. Т. 3. «Трансформации 90-х годов». Ч. 1. М.: Наука. [*Central and Eastern Europe in the second half of the 20th century* (2002). In 3 volumes. Vol. 3. Transformations of the 90s. Part 1. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Экономика Польши и России перед лицом вызовов промышленной революции 4.0 (2020). И.С. Синицина (отв. ред.). М.: Институт экономики РАН. [*The Polish and Russian economies challenged by the Industrial revolution 4.0* (2020). I.S. Sinitsina (editor-in-chief). Moscow: Institute of Economics (in Russian).]
- Bellak C., Leibrecht M., Riedl A.** (2008). Labour costs and FDI flows into Central and Eastern European Countries: A survey of the literature and empirical evidence. *Structural Change and Economic Dynamics*, 19 (1), 17–37.
- Bijsterbosch M., Kolasa M.** (2009). FDI and productivity convergence in Central and Eastern Europe: an industry-level investigation. *ECB Working Paper*, No. 992. European Central Bank (ECB), Frankfurt am Main.
- Boschma R.** (2005). Proximity and innovation: A critical assessment. *Regional Studies*, 39 (1), 61–74.

- Brenton P., Di Mauro F., Lücke M.** (1999). Economic integration and FDI: An empirical analysis of foreign investment in the EU and in Central and Eastern Europe. *Empirica*, 26 (2), 95–121.
- Demekas D.G., Horvath B., Ribakova E., Wu Y.** (2005). Foreign direct investment in Southeastern Europe: How (and how much) can policies help? *IMF Working Paper 05/110*. Washington, DC.
- Djankov S., Hoekman B.** (2000). Foreign investment and productivity growth in Czech enterprises. *The World Bank Economic Review*, 14 (1), 49–64.
- Estrin S., Uvalic M.** (2014). FDI into transition economies: Are the Balkans different? *Economics of Transition*, 22 (2), 281–312.
- Eurofound (2019). *The future of manufacturing in Europe*. Research report. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Frenken K., Van Oort F., Verburg T.** (2007). Related variety, unrelated variety and regional economic growth. *Regional Studies*, 41 (5), 685–697.
- Hare P.G., Hughes G.** (1991). Competitiveness and industrial restructuring in Czechoslovakia, Hungary and Poland. *CEPR Discussion Papers*, no. 543.
- Hassink R.** (2005). How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster. *European Planning Studies*, 13 (4), 521–535.
- Helper S., Krueger T., Wial H.** (2012). *Why does manufacturing matter? Which manufacturing matters? A policy framework*. Metropolitan Policy Program at Brookings. February.
- Hirschhausen C. von, Bitzer J.** (eds.) (2000). *The globalization of industry and innovation in Eastern Europe: From post-socialist restructuring to international competitiveness*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Hunya G.** (1997). Large privatisation, restructuring and foreign direct investment. In: S. Zecchini (ed.). *Lessons from the economic transition*. Dordrecht: Springer, 275–300.
- Hunya G.** (2000). Foreign penetration in Central European manufacturing. In: G. Hunya (ed.). *Integration through foreign direct investment: Making Central European industries competitive*, 111–129. Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar.
- Janicki H.P., Wunnava P.V.** (2004). Determinants of foreign direct investment: Empirical evidence from EU accession candidates. *Applied Economics*, 36 (5), 505–509.
- Jude C., Pop Silaghi M.I.** (2016). Employment effects of foreign direct investment: New evidence from Central and Eastern European countries. *International Economics*, 145, 32–49.
- Kalotay K.** (2010). Patterns of inward FDI in economies in transition. *Eastern Journal of European Studies*, 1 (2), 55–76.
- Kornai J.** (1994). Transformational recession: The main causes. *Journal of Comparative Economics*, 19 (1), 39–63.
- Kunc J., Martinat S., Tonev P., Frantal B.** (2014). Destiny of urban brownfields: Spatial patterns and perceived consequences of post-socialistic deindustrialization. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 10 (41), 109–128.
- Meardi G.** (2007). More voice after more exit? Unstable industrial relations in Central Eastern Europe. *Industrial Relations Journal*, 38 (6), 503–523.
- Naudé W., Surdej A., Cameron M.** (2019). The past and future of manufacturing in Central and Eastern Europe: Ready for Industry 4.0? *Discussion paper no. 12141*. Bonn: Institute of Labor Economics.

- Nordås H.K., Kim Y.** (2013). The role of services for competitiveness in manufacturing. *OECD Trade Policy Papers*, no. 148.
- Olczyk M., Kordalska A.** (2017). Gross exports versus value-added exports: Determinants and policy implications for manufacturing sectors in selected CEE countries. *Eastern European Economics*, 55 (1), 91–109.
- Onaran Ö., Stockhammer E.** (2008). The effect of FDI and foreign trade on wages in the Central and Eastern European Countries in the post-transition era: A sectoral analysis for the manufacturing industry. *Structural Change and Economic Dynamics*, 19 (1), 66–80.
- Pavlínek P.** (2015). Foreign direct investment and the development of the automotive industry in Central and Eastern Europe. In: B. Galgóczi, J. Drahokoupil, M. Bernaciak (eds.). *Foreign investment in eastern and southern Europe after 2008: Still a lever of growth?* Brussels: ETUI.
- Pickles J., Smith A.** (eds.) (2005). *Theorizing transition: The political economy of post-communist transformations*. London: Routledge.
- Plank L., Staritz C.** (2013). “Precarious upgrading” in electronics global production networks in Central and Eastern Europe: The cases of Hungary and Romania. *ÖFSE Working Paper no. 41*. Vienna: ÖFSE.
- Rae G.** (2011). On the periphery: The uneven development of the European Union and the effects of the economic crisis on Central-Eastern Europe. *Global Society*, 25 (2), 249–266.
- Smith A., Pickles J., Buček M.** (2014). The political economy of global production networks: Regional industrial change and differential upgrading in the East European clothing industry. *Journal of Economic Geography*, 14 (6), 1023–1051.
- Sölvell Ö., Ketels C., Lindqvist G.** (2008). Industrial specialization and regional clusters in the ten new EU member states. *Competitiveness Review*, 18 (1/2), 104–130.
- Stöllinger R., Foster-McGregor N., Holzner M., Landesmann M., Pöschl J., Stehrer R.** (2013). A manufacturing imperative in the EU: Europe’s position in global manufacturing and the role of industrial policy. *Research Report no. 391*. Vienna: Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW).
- Török Á., Csuka G., Kovács B., Veres A.** (2013). The “resurrection” of industrial policy in the European Union and its impact on industrial policy in the New Member Countries. *WWW for Europe Working Paper no. 26*. Vienna.
- Tregenna F.** (2009). Characterising deindustrialisation: An analysis of changes in manufacturing employment and output internationally. *Cambridge Journal of Economics*, 33 (3), 433–466.
- Uhlenbruck K., De Castro J.O.** (2000). Foreign acquisitions in Central and Eastern Europe: Outcomes of privatization in transitional economies. *Academy of Management Journal*, 43 (3), 381–402.

Поступила в редакцию 26.01.2021

Received 26.01.2021

M.M. Lobanov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

J. Zvezdanovic Lobanova

Institute of Social Sciences, Belgrade, Republic of Serbia

M. Zvezdanovic

Academy of National Security, Belgrade, Republic of Serbia

Typologization of industrial systems in the countries of Central-Eastern and South-Eastern Europe

Abstract. The differences between the countries of Central-Eastern and South-Eastern Europe in terms of socio-economic and, in particular, industrial development suggests the use of complex approach to their study. At the same time, the formation of industrial potential takes place in similar, but not identical institutional conditions, which allows the development of typologies and classifications as a result of qualitative and quantitative data generalization. We analyzed intraregional differences in indicators of industrial production dynamics, its role in the economic development, the supply and cost of labor resources, foreign trade diversification and the level of foreign capital penetration, structural rationalization and the efficiency of enterprises. In addition, on the example of the countries of the region, the relationship between labor productivity and the share of foreign companies in the production structure was studied. The proposed typology of industrial systems in CEE and SEE countries is based on a comparison of two groups of indicators characterizing 1) the main trend in the industrial development and its contribution to economic growth (reindustrialization, recurrent / repeated deindustrialization, persistent deindustrialization, secondary / market industrialization); 2) the efficiency of factors of production, the extent of involvement in global economic relations, the focus on the products with high added-value (intensive, extensive and transitional industrial development).

Keywords: *Central-Eastern Europe, South-Eastern Europe, industrial systems, types of development, factors of production, structural transformation, reindustrialization, Fourth industrial revolution.*

Классификация JEL: L6, O52, O57, P23.

For reference: **Lobanov M.M., Zvezdanovic Lobanova J., Zvezdanovic M.** (2022). Typologization of industrial systems in the countries of Central-Eastern and South-Eastern Europe. *Journal of the New Economic Association*, 4 (56), 92–122. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-45